

№. 3405.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ

Г. КРЕЙЦВАЛЬДА,

KALEWIPOEG, EINE ESTNISCHE SAGE,

СОСТАВЛЕННЫЙ

Академиками

А. А. Шифнеромъ и Ф. Н. Видеманомъ.

46. 0000

9388057

1. KETTERHOLZ

WALLINGBORO, NEW HAMPSHIRE 3196

LVIII : 24

Шегрёну, представителю финской науки при нашей Академіи, въ два послѣдніе года его академической дѣятельности, въ 1853 и 1854 годахъ, выпала на долю радость представить для награжденія Демидовскою преміею два значительныя явленія въ области эстонской литературы: эстонскія народныя пѣсни, изданныя въ Ревелѣ Г. Нейсомъ, и новыя грамматическія работы по научному плану пастора Эдуарда Аренса. Нижеподписавшіеся, нашедшіе въ этихъ трудахъ богатые матеріалы для умноженія свѣдѣній своихъ въ области эстонскаго языкознанія, могутъ теперь обратить полное вниманіе Академіи на произведеніе, которое съ этого времени, безъ сомнѣнія, будетъ составлять исходный пунктъ и средоточіе всякаго изслѣдованія по эстонскому языку и по эстонскимъ преданіямъ. Это эстонская *сага* о Калевипоэгѣ, изданная докторомъ Фридрихомъ Крейцвальдомъ и напечатанная Дерптскимъ ученымъ эстонскимъ обществомъ, съ нѣмецкимъ переводомъ Г. Карла Рейнталя. Передъ нами находятся теперь четыре тетради этого произведенія, появившіяся въ теченіи 1857—1859 годовъ.

Появленіе этого произведенія не было внезапнымъ; оно было приготовлено цѣлымъ рядомъ предшествовавшихъ обстоятельствъ. Въ 1835 году, въ Финляндіи, отдѣляющейся отъ Эстляндіи однимъ финскимъ заливомъ, докторъ Илья Лёнротъ издалъ въ двухъ томахъ собраніе эпическихъ пѣсней Финновъ,

подъ заглавіемъ «Калевала». Первый побудительный толчокъ къ собранію финскихъ народныхъ пѣсенъ былъ данъ профессоромъ Портаномъ, отцомъ исторіи Финляндіи. Различныя разсужденія, появившіяся съ 1766 года имѣли своимъ предметомъ финскія народныя пѣсни. Подъ руководствомъ Портана, Гауандеръ и Ленквистъ составили свои опыты финской міѳологіи, при чемъ они не разъ должны были принимать въ соображеніе народныя пѣсни. По этимъ работамъ, имѣвшимъ преимущественно отрывочный характеръ, докторъ Захарія Топеліусъ составилъ болѣе пространное собраніе старинныхъ пѣсенъ, и издалъ его, въ теченіи 1822 — 36 годовъ, въ пяти маленькихъ книжкахъ. Уже въ 1820 году профессоръ Фр. фонъ-Беккеръ, скончавшійся въ 1858 году и составившій, кромѣ того, остроумное изложеніе финской грамматики, сдѣлалъ попытку собрать въ одно цѣлое нѣкоторое число пѣсенъ, вращающихся около Вэйнемэйнена. Этотъ примѣръ внушилъ, вѣроятно, доктору Лёнроту мысль связать въ одинъ эпосъ живущія въ народѣ пѣсни о Вэйнемэйненѣ, Иль-мариненѣ и Лэмминкэйненѣ. Съ этою цѣлью онъ, въ теченіи 1828 и 1831 годовъ, ходилъ по различнымъ мѣстностямъ Финляндіи, чтобы довести до возможной полноты свое собраніе рунъ. Несравненно больше матеріаловъ нашелъ онъ въ земляхъ, занимаемыхъ Финнами за предѣлами собственной Финляндіи, именно въ различныхъ мѣстахъ Архангельской губерніи, которыя онъ объѣхалъ въ 1832 году. Три года спустя явилась, какъ уже было замѣчено, Калевала, состоящая изъ 32 пѣсенъ и заключающая въ себѣ 12,000 стиховъ. Издержки приняло на себя финское литературное общество, которое съ тѣхъ поръ употребляло всѣ усилія, чтобы собирать руны и продолжать такимъ образомъ начатое дѣло. Желая, чтобы это народное твореніе было доступно и не финскимъ обитателямъ Финляндіи, общество назначило премію за лучшій шведскій переводъ. Эту премію получилъ М. Александръ Кастренъ. Чтобы основательнѣе понять нѣкоторыя затруднительныя мѣста и выраженія, онъ предпринялъ путешествіе въ тѣ земли, гдѣ пѣніе

рунъ находилось еще въ полномъ цвѣту; тамъ онъ надѣялся услышать разрѣшеніе многихъ вопросовъ изъ устъ самихъ пѣвцовъ. Шведскій переводъ, вышедшій въ свѣтъ въ 1841 году, далъ Калевалѣ возможность сдѣлаться извѣстною за предѣлами Финляндіи. Высокое достоинство Калевалы для исторіи эпической поэзіи и ея значеніе для изслѣдованія сѣверныхъ мифовъ были съ замѣчательною ясностью показаны Яковомъ Гриммомъ, въ разсужденіи о финскомъ эпосѣ, помѣщенномъ въ Гёферовомъ журналѣ языкознанія (*Zeitschrift für die Wissenschaft der Sprache*). Лёнротъ продолжалъ собирать руны, распространяя свои разысканія даже на Ингерманландію, и получилъ такимъ образомъ возможность расширить предѣлы финскаго эпоса. Въ 1849 году Калевала вышла въ своемъ пополненномъ составѣ и въ 50 пѣсняхъ заключала въ себѣ 22,800 стиховъ. Въ Гельсингфорсѣ появился въ 1852 году нѣмецкій переводъ этого новаго изданія.

Если мы обратимся теперь къ эстонской почвѣ, то увидимъ, что, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ перваго изданія Калевалы, въ Дерптѣ, въ одномъ изъ первыхъ засѣданій только-что возникшаго ученаго эстонскаго общества было говорено о Калевипоэгѣ; въ первой тетради разсужденій этого общества было дано первое извѣстіе о содержаніи Калевалы. Докторъ Фельманъ сообщилъ въ засѣданіяхъ общества нѣкоторые отрывки изъ *сам* о Калевипоэгѣ, и авторъ древнѣйшей исторіи Эстовъ отпечаталъ ихъ тотчасъ же въ своемъ произведеніи. Въ 1839 году интересъ къ Калевипоэгѣ былъ возбужденъ сильнѣйшимъ образомъ воодушевленнымъ разсужденіемъ, которое прочиталъ въ обществѣ докторъ Георгъ Шульцъ. Докторъ Фельманъ поставилъ себѣ цѣлью жизни соединить въ одно цѣлое разсѣяныя части *сам* о Калевипоэгѣ. Смерть помѣшала ему выполнить намѣреніе это, и съ нимъ сошли въ могилу многіе интересные отрывки *сам*, которые онъ хранилъ въ памяти. Послѣ его смерти, никто болѣе доктора Крейцвальда не былъ способенъ стать на его мѣсто. Онъ, подобно Фельману, самъ вышелъ изъ эстонскаго народа и въ теченіи цѣлыхъ годовъ употреблялъ лучшія свои

силы на изученіе эстонскихъ нравовъ и преданій. Въ его распоряженіе были отданы всѣ матеріалы *саги* о Калевипоэгѣ, которыми владѣло общество, и всѣ бумаги, оставленныя Фельманомъ. Къ этому присоединились его собственныя собранія пѣсенъ и преданій, и различные, большіе и малые отрывки *саги* о Калевипоэгѣ, записанныя въ Эстляндіи, въ Лифляндіи и между Эстами Псковской губерніи. Тридцатилѣтнее изученіе эстонскихъ пѣсенъ, переходящихъ изъ рода въ родъ, дало ему возможность облечь въ поэтическую форму, вполне соответствующую духу эстонской поэзіи, тѣ части *саги*, которыя были ему переданы въ прозаическомъ разсказѣ. Это удалось ему въ такой степени, что даже самый строгій изъ живущихъ теперь критиковъ въ области эстонской науки, пасторъ Эд. Аренсъ, долженъ былъ отдать ему полную справедливость. Д-ръ Крейцвальдъ расположилъ сначала свой предметъ въ 12-ти пѣсняхъ, но потомъ, получивши новые матеріалы, переработалъ его такъ, что составилось 20 пѣсенъ.

Въ настоящее время передъ нами находятся 13 пѣсенъ и 11,253 стиха, изъ которыхъ болѣе половины (около 5,900) составлены Крейцвальдомъ по образцу настоящихъ, съ такимъ искусствомъ, что мы узнаемъ въ нихъ новѣйшее добавленіе только по отсутствію звѣздочекъ (*).

Посмотримъ теперь содержаніе поэмы. Поэтъ предпосылаетъ своему произведенію короткое воззваніе и вступленіе, состоящее изъ 318 стиховъ, которые, не смотря на присутствіе нѣкоторыхъ эпическихъ элементовъ, носятъ на себѣ преимущественно лирической отпечатокъ и знакомятъ насъ съ общою фізіогноміею и колоритомъ стихотворенія.

I. Изъ соединенія знаменитыхъ сыновей праотца (*wana isa*) съ дочерьми смертныхъ произошла твердая, какъ дубъ, порода Калевидовъ. На границахъ сѣвера родились въ этомъ родѣ три брата: одинъ изъ нихъ пошелъ въ Россію и сдѣлался купцомъ и галунщикомъ; другой пошелъ въ сѣверную страну (*Turja*) и здѣлался храбрымъ воиномъ; третій поднялся на спинѣ орла и,

облетѣвъ моря: Финское, Викское и Вирское, опустился на Вирскомъ берегу, измѣрилъ границы своего царства и построилъ себѣ жилище. Вдова въ землѣ Викской подняла на дорогѣ курочку, яйцо тетерки и молодую ворону. Изъ курочки выросла у нея дѣва *Сальме*, изъ яйца тетерки *Линда*. За *Сальме* сватались мѣсяцъ, солнце и сынъ звѣзды, который и сдѣлался ея мужемъ. *Линда* отказала мѣсяцу, солнцу, царю волнъ, вѣтру, сыну царя *Кунглы* и отдала предпочтеніе *Калеву*; отпраздновали радостную свадьбу и жена уѣхала съ мужемъ. Во время всеобщаго веселья, раба, выросшая изъ вороны, жалуется на свою горькую долю.

II. Супружество *Калева* и *Линды* было обильно дѣтьми, которые всѣ ушли на чужую сторону. На закатѣ дней отца, при немъ оставалось два маленькіе гороховые струка. Передъ своею смертію *Калевъ* опредѣлилъ, что его имѣніе достанется въ наслѣдство только одному сыну, и жребій рѣшилъ, что это будетъ младшій, рожденный послѣ смерти отца и означенный въ одной сагѣ именемъ *Сони* (*Sohni*). На смертномъ одрѣ *Калевъ* предрекаетъ славу этого сына. Когда имъ овладѣла смерть, *Линда* хоронитъ его на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Ревельская вышегородская скала (*Domberg*) и сама сносить камни, долженствующіе образовать его надгробный памятникъ. Одинъ изъ этихъ камней она отъ утомленія роняетъ. Отдыхая на немъ, она проливаетъ такіа обильныя слезы, что изъ нихъ возникаетъ верхнее озеро близъ Ревеля, среди котораго до сихъ поръ выдвигается камень. Приближался часъ, когда долженъ былъ родиться сильнѣйшій сынъ *Калева*. Помощниками при постелѣ страждущей явились *Укко* и *Рёугутайя*. Новорожденный въ продолженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ кричитъ съ утра до вечера; наконецъ онъ утихаетъ, самъ разрываетъ пеленки, разламываетъ колыбель, ползаетъ по полу и вскорѣ поднимается на ноги. До третьяго года *Линда* кормитъ мальчика грудью и ребенокъ обнаруживаетъ въ своихъ дѣтскихъ играхъ значительную силу. Кегли, которыми онъ игралъ въ дѣтствѣ, существуютъ до сихъ

портъ и извѣстны подѣ названіемъ *Девичьихъ камней*. Онъ бросаетъ въ даль, на поля и моря, большіе утесы. Между тѣмъ на дворъ къ огорченной вдовѣ является множество жениховъ; Линда всѣмъ имъ отказывается, и въ томъ числѣ финляндскому чародѣю — вѣтровѣду.

III. Калевипоэгъ сидитъ однажды на морскомъ берегу; въ это время злые духи, боясь бога грома, кувыркомъ лѣтятъ въ морскую глубину и скрываются въ пѣнѣ. Съ быстротою орла мальчикъ кидается за ними и вытаскиваетъ ихъ изъ глубины на утесъ цѣлый мѣшокъ, точно мѣшокъ раковъ; желѣзная же палица грома размозжаетъ ихъ и дѣлаетъ такое кушанье, которыми брезгаютъ даже волки. Однажды три сына Калева уходятъ на охоту, Линда остается одна и тогда явился вѣтровѣдъ, чародѣй финляндскій, притаившійся въ засадѣ и представшій къ берегу недалеко отъ гробницы Калева. Линда пытается сопротивляться, но онъ уводитъ ее за собою насиліемъ и чарами. Линда мольбами своими возбуждаетъ состраданіе праотца. Когда чародѣй съ своею добычею достигаетъ горы Иру, его оглушаетъ громовая стрѣла, а Линда превращается въ высокій утесъ, который до сихъ поръ замѣчается на горѣ Иру. Возвратившись съ охоты, сыновья видятъ, что матери нѣтъ и рѣшаются ее искать. Младшій тотчасъ отправляется на поиски, распросивши предварительно отца своего въ могилѣ.

IV. Калевипоэгъ бросается въ морѣ, гребетъ руками, правитъ ногами, а волосы его развѣваются по вѣтру, какъ парусъ. Онъ отправляется на сѣверъ, къ чародѣю вѣтровѣду, чтобы отыскать мать свою, чтобы высвободить тетерку изъ тенетъ и отомстить похитителю. При своемъ плаваніи онъ пристаётъ къ острову и хочетъ на немъ отдохнуть немного. Тамъ онъ слышитъ голосъ дочери острова и тащитъ дѣву на свое ложе. Она зоветъ на помощь, прибѣгаетъ ея отецъ, сильный сынъ Калева называетъ себя по имени и дѣвушка блѣднѣетъ и упадаетъ въ морскія волны. Калевипоэгъ напрасно старается вытащить ее изъ глубины, и уходитъ съ острова, чтобы продолжать путь.

свой на сѣверъ. Мать дѣвы острова прибѣгаетъ и пробуетъ ошупать море граблями, чтобы выловить исчезнувшую. При этомъ изъ глубины на свѣтъ выходятъ разные предметы: дубъ и сосна, желѣзная шапка и орлиное яйцо, рыба и серебряное блюдо, и все это мать съ собою беретъ домой. Между тѣмъ изъ волнъ слышится жалобная пѣснь, оплакивающая гибель дѣвухи.

V. Калевипоэгъ плыветъ дальше и, достигши Финляндскаго берега, засыпаетъ на утесѣ. — Родители, потерявшіе свою дочь, сажаютъ возлѣ качелей дубъ и сосну; орлиное яйцо въ желѣзной шапкѣ мать ставитъ на солнце, а потомъ беретъ его на ночь къ себѣ на постель. Рыбу же на серебряномъ блюдѣ отецъ снова пускаетъ въ воду. Дубъ и сосна вырастаютъ до самыхъ облаковъ; изъ яйца выходитъ могучій орелъ, который улетаетъ въ даль, но котораго потомъ, при сгребаніи сѣна, находятъ на лугу и приносятъ въ домъ. Подъ его крыломъ сидитъ маленькій человекъ, въ два локтя ростомъ. — Калевипоэгъ отдыхаетъ цѣлый день и цѣлую ночь, и потомъ отправляется отыскивать жилище чародѣя. Достигши его, онъ видитъ, что чародѣй спитъ на лугу. Чародѣй для своей защиты превращаетъ горсть пуху въ безчисленное множество воиновъ, а Калевипоэгъ своею палицею производитъ между ними страшное кровопролитіе. Видя, что союзники его избиты и не имѣя никакихъ средствъ къ оборонѣ, чародѣй умоляетъ о пощадѣ. Но Калевипоэгъ не хочетъ ничего слышать, поражаетъ его палицею и не обращаетъ вниманія на его разсказъ объ исчезновеніи Линды. Но напрасно онъ обискиваетъ жилище колдуна. Сокрушаясь о потерѣ матери, Калевипоэгъ, утомленный трудами дня, засыпаетъ и видитъ мать свою въ красотѣ юности; изъ образовъ сна ему становится ясно, что ее нѣтъ въ живыхъ.

VI. Два дня горюетъ Калевипоэгъ о покойной матери, въ третій онъ собирается въ путь и спѣшитъ къ морю. Тутъ ему приходитъ въ голову мысль достать себѣ мечъ. Онъ поворачиваетъ въ другую сторону и идетъ къ знаменитому финлянд-

скому кузнецу, но сбивается съ пути и жалуется на свою горькую судьбу. Наконецъ онъ выбирается изъ чащи, въ которую забрелъ. Старушка указываетъ ему дорогу къ кузнецу. Кузнецъ узнать его и привѣтствуетъ его, какъ потомка знаменитаго рода, а Калевипоэгъ требуетъ себѣ меча, но съ тѣмъ, чтобы онъ могъ его попробовать прежде покупки. Ни одинъ изъ предложенныхъ не выдерживаетъ пробы; всѣ они ломаются въ желѣзной рукѣ Калевипоэга. Тогда изъ особаго чулана вынимаютъ изъ желѣзнаго шкафа мечъ, заказанный кузнецу Финляндіи старымъ Калевомъ и хранившійся за семью замками и за девятью запорами. Его ковали семь лѣтъ изъ семи сортовъ желѣза, и клинокъ закаленъ водою изъ семи источниковъ: изъ Финскаго моря, изъ Пейпуса (Чудскаго озера), изъ Вирцьерва, изъ Эмбаха, изъ рѣки Койве, изъ Вёганда и чистою дождевою водою. Но и цѣна его значительна.

Üheksa hüwa hobuda,	Девять хорошихъ коней,
Kahaksa kari märada,	Восемь хорошихъ кобылъ,
Kümme paari ärgasida,	Десять паръ сильныхъ воловъ,
Kakskümmend lüpsi lehmada,	Двадцать дойныхъ коровъ,
Wiiskümmend paremaid wasi-	Пятьдесятъ наилучшихъ откорм-
kaid,	ленныхъ телятъ,
Sada sälitist nisuda,	Сто ластъ чистой пшеницы,
Poolteist paati odrateri,	Полторы лодки ячменя,
Rohe laewa rukisida,	Полный корабль ржи,
Tuhat wana taalerida,	Тысячу старыхъ талеровъ,
Sada paari paaterida,	Сто паръ четокъ,
Kakssada kulda rahada,	Двѣсти золотыхъ монетъ,
Süle täie sõlgesida,	Полный подолъ серебряныхъ
	пряжекъ,
Kuningriigi kolmandiku,	Треть королевства,
.....	

Этотъ мечъ годится Калевипоэгу. Онъ могучею рукою взмахиваетъ его на воздухъ, ударяетъ клинкомъ по наковальнѣ и разсѣкаетъ ее до пола, а на клинкѣ не оказывается даже зару-

бины. Торгъ заключенъ, Калевипоэгъ обѣщаетъ скоро доставить плату, и тогда происходитъ веселый пиръ, на которомъ Калевипоэгъ въ пьяномъ видѣ рассказываетъ свое приключеніе съ дочерью отца острова (saare taat). Старшій сынъ кузнеца отвергаетъ это признаніе, какъ хвастовство, порочащее честь дѣвушки; Калевипоэгъ въ ярости своей вынимаетъ только-что купленный мечъ и отсѣкаетъ голову сыну кузнеца. Сыновья кузнеца собираются отмстить за смерть брата, но отецъ останавливаетъ ихъ и проклиная мечъ, чтобы онъ самъ наказалъ владѣльца своего за совершенное преступленіе. Калевипоэгъ, все еще пьяный, удаляется и отыскиваетъ себѣ мѣстечко, гдѣ бы можно было покойно уснуть. Его храпѣніе такъ сильно, что утесы колеблются и горы дрожатъ, песокъ и гальки летятъ вверхъ и птички забываютъ о пѣніи. Дубъ, посаженный отцомъ острова, сдѣлался могучимъ деревомъ и выросъ такъ высоко, что верхушка его касается солнца и закрываетъ солнце, луну и звѣзды, такъ что свѣтъ не проникаетъ внизъ. Напрасно отецъ острова ищетъ человѣка способнаго срубить дерево. Возвратившись съ поисковъ, онъ видитъ, что карликъ, скрывавшійся подъ крыльями орла готовится рубить дубъ. Подойдя къ дереву карликъ самъ вырастаетъ на цѣлыя сажени и версты и срубаетъ дерево въ три дня. Изъ ствола дуба вырубается финскій мостъ, котораго одна сторона ведетъ съ острова на Вирскій берегъ, а другая въ Финляндію. Изъ верхушки и изъ другихъ частей строятъ корабли и лодки, изъ щепокъ дѣтскіе кораблики, а изъ послѣднихъ остатковъ складываютъ чистенькій домикъ для пѣвца, который тамъ прядетъ нити своей пѣсни.

VII. Калевипоэгъ просыпается и не помнитъ событій прошлаго дня. Онъ возвращается домой въ лодкѣ убитого имъ чародѣя. Въ полночь онъ подъѣзжаетъ къ острову, съ котораго дѣвушка упала въ море. Изъ волнъ слышится пѣсня о двухъ его преступленіяхъ: о смерти дѣвы острова и объ умерщвленіи сына кузнеца. Плывъ далѣе къ родинѣ, Калевипоэгъ горько жалуется на смерть своей матери. Онъ выходитъ на берегъ и отправляется къ горѣ

Иру, гдѣ младшая дочь матери вѣтровъ, пѣвучая нимфа пѣнія снова напоминаетъ ему о двухъ его кровавыхъ преступленіяхъ и объ угрожающемъ отмищеніи. Ея пѣснь объясняетъ ему также, что его матери нѣтъ въ живыхъ. Тогда онъ спѣшитъ на отцовскій дворъ и его привѣтствуютъ братья, считавшіе его погибшимъ. Трое братьевъ рассказываютъ другъ другу приключенія, которыми каждый изъ нихъ встрѣтилъ, отыскивая мать. Младшій рассказываетъ все, что случилось съ нимъ, за исключеніемъ спора, происшедшаго за пиромъ и имѣвшаго кровавый исходъ. За тѣмъ, братья рѣшаются исполнить волю отца и бросить жребій о господствѣ. Они назначаютъ слѣдующій день для исполненія своего рѣшенія. Вечеромъ младшій братъ снова отпрапляется на могилу отца, и тотъ утѣшаетъ и ободряетъ его.

VIII. Послѣ трехдневнаго странствованія, братья доходятъ до маленькаго озера Саадьерва, возлѣ котораго, лежитъ холмъ, поросшій рощею Тары; у подошвы этого холма Эмбахъ смѣшиваетъ свои волны съ струями Пейпуса. Это мѣсто выбираютъ братья, чтобы оттуда бросать свои камни. Камень старшаго брата погружается въ озеро, камень средняго падаетъ на илистый берегъ, возлѣ самой воды, а камень младшаго перелетаетъ черезъ все озеро и падаетъ на противоположный берегъ, на сухое мѣсто. Такимъ образомъ жребій рѣшается въ пользу младшаго, и оба старшіе посвящаютъ его въ цари водою озера, а сами удаляются на чужую сторону искать себѣ новой отчизны. Калевипоэгъ беретъ самъ въ руки плугъ, пашетъ болота и пустыри, чтобы доставить своей землѣ прочное благосостояніе. Онъ пашетъ изо дня въ день и переноситъ съ своею рабочею лошадью труды и усталость. Однажды онъ, въ полуденный жаръ, выпрягъ свою лошадь и самъ заснулъ; потъ, текущій съ его членовъ порождаетъ цѣлебный источникъ; въ это время бѣдную, спутанную по ногамъ лошадь заѣдаютъ волки. Еще теперь видны слѣды того мѣста, гдѣ стояла привязанная лошадь и гдѣ одолѣли ее супостаты. Тамъ образовалась изъ крови ея лужа; изъ печени гора, а изъ внутренностей — болото.

IX. Калевипоэгъ просыпается, тщетно зоветъ свою лошадь и видитъ, что ее съѣли лѣсные звѣри. Онъ произноситъ надъ ними проклятіе и производитъ кровавую расправу. Вечеромъ, онъ, утомленный, прекращаетъ борьбу и ложится отдохнуть на кожу своей лошади. Только что онъ заснулъ, является посолъ изъ Вирляндіи и объявляетъ ему, царю, о приближеніи враговъ. Онъ успокоиваетъ перепуганнаго посла, подкрѣпляетъ его пищею и питьемъ и даетъ ему потомъ наставленіе, какъ поступать. Онъ засыпаетъ во второй разъ и видитъ, что къ его ложу приближается другое, незнакомое лицо. Волосы и борода его бѣлы. Это старый другъ Калевидовъ; онъ защищалъ его въ молодости и напоминаетъ ему теперь о тяжести царскихъ обязанностей. Онъ хвалитъ дѣйствія Калевипоэга, предвѣщаетъ ему будущность страны и предостерегаетъ его отъ того меча, который можетъ отомстить ему. Образъ сѣдаго незнакомца исчезаетъ и Калевипоэгъ видитъ сонъ, котораго грезы скоро сливаются въ одно съ словами старца. Онъ просыпается и отпускаетъ посла, которому выходить на встрѣчу звѣри, чующіе войны, воронны, орлы, вѣроны и волки, и ужасы, сопровождающіе войну — голодъ и язва.

X. Лѣсныя птицы возвѣщаютъ Калевипоэгу, гдѣ онъ можетъ купить себѣ коня. Тутъ два сына лѣшаго (Paharäti) просятъ его разсудить между ними и рѣшить, кому изъ нихъ должно принадлежать Кикерперское болото. Они просятъ его измѣрить болото и сынъ Калева поручаетъ это дѣло сыну Алева, потому что онъ самъ долженъ отлучиться по другимъ дѣламъ. Сынъ Алева принимается за работу и водяной духъ, живущій въ озерѣ, проситъ его не связывать и не прудить рѣку; сынъ Алева обѣщаетъ исполнить его просьбу, если духъ наполнить талерами его старую шляпу. Въ шляпѣ сына Алева пробита дыра, ведущая въ яму, и потому водяному духу невозможно наполнить ее. Онъ принужденъ отлучиться, чтобы добыть еще денегъ, а мальчикъ Калевипоэга (Kalewide kannupoissi) долженъ слѣдовать за нимъ. Въ царствѣ мрака приходится плохо

бѣдному мальчику, сыновья лѣшаго шутятъ надъ нимъ—плохія шутки, но наконецъ онъ счастливо отдѣлывается отъ нихъ хитростью. Возвратившись на мѣсто сына Алева и не видя послѣдняго, онъ хочетъ вступить въ состязаніе съ водянымъ духомъ, подстрекнувшимъ его самолюбіе. Тогда къ нимъ подходитъ Калевипоэгъ, сажаетъ мальчика въ карманъ своихъ папталоновъ и самъ начинаетъ состязаніе съ водянымъ. Камень водянаго падаетъ близъ Вирцьерва, камень Калевипоэга у Пейпуса. Они тянутъ палку и при этомъ несчастнаго водянаго подкидываетъ высоко на воздухъ и онъ катится при паденіи на пространствѣ семи верстъ. Вдругъ Калевипоэгъ припоминаетъ, что онъ еще не заплатилъ за свой мечъ; онъ посылаетъ сына Алева исполнить обѣщанныя условія; самъ онъ хочетъ построить крѣпости для охраненія больныхъ, слабыхъ, стариковъ и женщинъ во время войны; для этого онъ сѣшитъ припасти доски, чтобы построить дома въ городахъ. Съ этою цѣлію онъ хочетъ идти къ Пейпусу. Онъ хватается у себя въ карманѣ, чтобы вынуть ножъ и находитъ тамъ мальчика, который копошится тамъ, какъ блоха. Дочь грома бога хочетъ зачерпнуть воды въ колодезь, въ лѣсу, но, испуганная лѣснымъ духомъ, роняетъ въ воду свое кольцо. Калевипоэгъ видитъ ея горе и спускается въ колодезь, чтобы вытащить кольцо. Онъ скрывается въ колодезь и тогда толпа колдуновъ бросаетъ на него сверху большой жерновъ, чтобы размозжить его. Сынъ Калева выходитъ невредимъ и вмѣсто кольца у него на пальцѣ надѣтъ жерновъ.

Muud ei leidund ma mudasta,

Suuremat ei puutnud sõrme,

Я не могъ найти другаго кольца,

Больше этого я не замѣтилъ кольца въ типѣ.

XI. Калевипоэгъ доходитъ до Пейпуса и переходитъ черезъ озеро, а въ это время сильнѣйшій чародѣй Пейпусскаго прибрежья мутитъ воду. Онъ употребляетъ всѣ усилія, приводитъ волны въ страшное движеніе, поднимаетъ бурю, но вода едва хватается по бедра Калевипоэга, медленно ступающему

подъ тяжелымъ грузомъ досокъ. Онъ несъ только двадцать дюжинъ досокъ; ни одна не была толще трехъ вершковъ, ни одна шире двухъ футовъ, ни одна короче десяти сажень. Онъ сваливаетъ доски на берегъ и берется за мѣчь, чтобы отмстить чародѣю, но тотъ спасается бѣгствомъ. Тогда Калевипоэгъ подкрѣпляется пищею, приготовляетъ себѣ ложе, отстегиваетъ мечъ и ложится на покой, а мечъ кладетъ возлѣ себя слѣва. Во время его сна подкрадывается чародѣй, съ намѣреніемъ овладѣть мечомъ; мечъ не отходитъ отъ своего владѣльца, но чародѣю удастся, посредствомъ самыхъ сильныхъ заклинаній, привести его въ движеніе. Мечъ попадаетъ къ нему въ руки, но онъ тащитъ его съ трудомъ и перепрыгивая черезъ рѣчку Кеке, ронаятъ его въ воду и мечъ уходитъ въ тину. Проснувшись Калевипоэгъ видитъ, что мечъ исчезъ, жалуется на это и начинаетъ искать его. Долго продолжаются безплодные поиски, но вдругъ онъ видитъ, что мечъ привѣтливо блеститъ ему въ глаза изъ глубины рѣчки Кеке. Мечъ рассказываетъ ему, какъ онъ попалъ на дно и не умалчиваетъ о томъ, какъ его гнететъ тоска о тяготящей надъ нимъ кровавой винѣ. Тогда Калевипоэгъ оставляетъ его на днѣ рѣчки и назначаетъ его тому, кому онъ въ будущемъ окажется по силамъ. Но если-бы тотъ, кто самъ носилъ этотъ мечъ, сойдетъ въ рѣчку, тогда мечъ долженъ укунить его за обѣ ноги. За тѣмъ Калевипоэгъ оставляетъ рѣчку Кеке, и спѣшитъ къ Пейпусу, чтобы оттуда съ досками вернуться домой. По дорогѣ онъ находитъ маленькаго человѣка, проведеншаго въ ужасѣ и безпокойствѣ цѣлую ночь между двумя братьями, покушавшими на ночь густой гороховой похлебки. Этотъ человѣкъ былъ ростомъ съ нашего брата и сынъ Калева кладетъ его въ свою дорожную котомку, гдѣ ему находится мѣстечко между хлѣбомъ и салакушкою.

ХII. Сыновья чародѣя бросаются на Калевипоэга, идущаго съ своимъ грузомъ и бьютъ его кнутами, на конецъ которыхъ навязано по жернову. Сынъ Калева машетъ десяти-саженною сосною, служащею ему вмѣсто трости, бьетъ ихъ этою палкою,

но та не выдерживаетъ и разбивается въ щепки. Тогда онъ хватается за свои доски, но въ пылу битвы разбиваетъ одну доску за другою о спины противниковъ. Уже запасъ подходитъ къ концу и сыновья чародѣя нападаютъ на него смѣлѣе; вдругъ надъ его ухомъ раздается тонкій нѣжный голосокъ:

Sõrwitie, sõrwitie,

Бей ребромъ, бей ребромъ,

Kallis Kalewide poega!

Дорогой сынъ рода Калева.

Калевипоэтъ понимаетъ добрый совѣтъ, начинаетъ бить враговъ не плашмя, а острымъ ребромъ и скоро обращаетъ ихъ въ бѣгство. Бѣдному голому ежу, давшему ему полезный совѣтъ и не получившему отъ творца теплаго платья при созданіи міра, онъ бросаетъ изъ благодарности кусокъ своей колючей шубы, долженствующей служить ему защитою. За тѣмъ онъ хочетъ отдохнуть и подкрѣпляется пищею, и находитъ, что удары его враговъ убили человѣка, котораго онъ посадилъ къ себѣ въ котомку. Онъ горько жалѣетъ о смерти бѣднаго человѣка и ложится на покой. Онъ засыпаетъ, къ нему тотчасъ же приближается чародѣй Пейпуса и наводитъ на него семинедѣльный сонъ. Вирляндскій посолъ напрасно ищетъ царя; никто не имѣетъ объ немъ извѣстія. Лѣто приближается къ концу, и наконецъ лживое сновидѣніе разрываетъ оковы сна. Калевипоэтъ видитъ какъ ему куютъ новый мечъ въ мастерской Ильмарина, и какъ юноша съ окровавленной шеею и предъявляетъ на него свои права. Раздраженный этимъ, онъ хочетъ обличить его во лжи и просыпается. Видя, что отъ его запаса досокъ остались однѣ щепки, онъ опять спѣшитъ на Пейпусъ, чтобы снова собрать доски, нужныя для построекъ. По дорогѣ онъ убиваетъ волка, унесшаго ягненка изъ стада; онъ бросаетъ въ него камень, на которомъ до сихъ поръ видны слѣды его пальцевъ. Подойдя къ берегу Пейпуса, онъ рѣшается построить черезъ озеро мостъ; работа успѣшно подвигается впередъ, но вдругъ буря разбиваетъ мостъ. Сверхъ того, онъ видитъ, что подобный мостъ вовсе не нуженъ и что онъ какъ и прежде можетъ идти прямо въ бродъ. Сначала онъ лакомится значи-

тельными количествомъ раковъ, потомъ отправляется черезъ волны Пейпуса, на берегахъ котораго до сихъ поръ стоятъ саги въ полнѣйшемъ цвѣту. Тамъ, жалуясь на свою горькую долю, сидитъ и поетъ бѣдный мальчикъ пастухъ. Лѣсная дѣва чувствуетъ къ нему состраданье и онъ находитъ подъ листомъ лвиной лапы жаворонковое яйцо, изъ котораго выходитъ мышка; мышка превращается въ кошечку, кошечка въ собачку, а собачка въ овечку.

XIII. Возвращаясь домой съ новыми досками, Калевипоэгъ отдыхаетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ у него былъ украденъ мечъ. Когда онъ утромъ просыпается, сорока торопитъ его возвращаться на родину, гдѣ очень нужно присутствіе царя. Чтобы пройти долѣе короткимъ путемъ, онъ рѣшается перейти въ бродъ черезъ Илма-іервъ. Но уже при третьемъ шагѣ его, вода этого маленькаго озера хватается ему по плечи, такъ что онъ принужденъ идти дальше сухимъ путемъ. По дорогѣ онъ встрѣчается съ старушкою, знающею чары, и узнаетъ отъ нея заклинаніе змѣйнаго укушенія. Онъ доходитъ до окрестностей озера Эндлы, и видитъ, что на холмѣ кипитъ большой котелъ. Въ немъ, вмѣстѣ съ разными другими вещами, варится половина оленя на ужинъ рогатому и его старухѣ; сама старуха у волшебнаго огня печетъ пироги для находящихся при ней дѣвушекъ. Калевипоэгъ отвертывается отъ котла и его сторожей и идетъ къ жилищу хозяина, куда онъ проникаетъ черезъ темную пещеру. Онъ подходитъ къ широкой двери, у которой стоятъ два ведра, въ одномъ изъ нихъ налита жидкость молочнаго, въ другомъ—дегтеваго цвѣта. За дверью онъ слышитъ ворчаніе веретена и полное тоскливой страсти пѣніе дѣвушки, сидящей за пряжею. Онъ пытается отворить дверь, но это удастся ему только тогда, когда, по совету дѣвушки, онъ добываетъ для своихъ рукъ желѣзную силу изъ жидкости дегтеваго цвѣта. Проникши въ комнату, онъ мало обращаетъ вниманія на нѣжныя слова дѣвы потому, что передъ его глазами блеститъ драгоцѣнный мечъ, висящій на стѣнѣ рядомъ съ маленькимъ ивовымъ прутикомъ и съ старою

шляпою. Онъ полагаетъ, что нашелъ тотъ мечъ, который видѣлъ во снѣ. Дѣва предостерегаетъ его отъ меча и обращаетъ его вниманіе на чудесный ивовый пруть и на шляпу, составленную изъ обрѣзковъ ногтей и доставляющую владѣльцу исполненіе всѣхъ желаній. Слѣдуя совѣту дѣвушки, Калевипоэгъ пользуется шляпою, увеличиваетъ и уменьшаетъ по произволу свою фигуру, проводитъ время въ любовной забавѣ съ тремя дѣвами, и общается имъ въ мужья сына Алева, Сулева и запятника, а самъ говорить о себѣ, что желаетъ остаться холостымъ.

До сихъ поръ доходитъ поэма въ находящихся передъ нами пѣсняхъ. Чтобы оцѣнить ихъ въ отношеніи къ содержанію, надо снова обратиться къ родственной съ нею поэмѣ, вышедшей въ свѣтъ раньше ея. Калевала повѣствуетъ преимущественно о путешествіяхъ трехъ братьевъ Вѣйнэмэйнена, Ильмаринеа и Ламминкэйнена въ Похьолу, въ холодную сѣверную землю, гдѣ они добиваются руки дѣвы Похьи. Но руку этой дѣвы можно получить только выковавши Сампо. Эту задачу выполняетъ Ильмариненъ, опытный кузнецъ, выковавшій небо и крышку воздуха, т. е. твердь. Онъ куетъ Сампо:

Изъ острія лебединого пера ,

Изъ молока безплодной коровы ,

Изъ маленькаго ячменнаго зерна.

Сампо есть такимъ образомъ источникъ и залогъ всякаго благосостоянія. Пока онъ находится въ сѣверной странѣ, она пользуется счастьемъ. Онъ былъ спрятанъ въ сѣверной странѣ въ мѣдной горѣ за девятью замками; корни его были прикрѣплены къ недрамъ земли. Тремъ братьямъ удалось вырвать Сампо плугомъ и увести его изъ сѣверной страны, гдѣ остается только одна пестрая крышка Сампо. Въ сочиненіи о миѣѣ Сампо *), появившемся лѣтъ десять тому назадъ, была сдѣлана попытка доказать, что Сампо находится въ ближайшей связи съ

*) Въ Bulletin historico-philologique T. VIII № 5. — Mélanges russes, pag. 591 — 598. Сравни Адальберта Куна: Die Herabkunft des Feuers und des Göttertranks. Berlin 1859 s. 114 ff.

мельницею желаній Гротти короля Фроди, и что этотъ мнѣ повѣствуетъ объ изчезновеніи дневнаго свѣтила во время пасмурной сѣверной зимы. Поводъ къ подобному объясненію по-даетъ параллельное мѣсто Калевалы, гдѣ злая хозяйка сѣверной страны, Лауги (Louhi), за которою скрывается злой Локи скандинавскихъ мифологическихъ преданій, прячетъ солнце и мѣсяцъ за каменную гору. Какъ Сампо, такъ и солнцѣ и мѣсяцъ не могутъ оставаться вѣчно въ этомъ заточеніи; они вырываются изъ ночи вѣчно темной сѣверной страны и освобождаются отъ власти зимы. Сѣверной странѣ остается одна пестрая крышка, т. е. пестрое звѣздное небо.

Сампо не встрѣчается въ эстонскомъ сказаніи. Въ немъ мы видимъ другое средоточіе — мечъ Калевипоэга, который также напоминаетъ одну черту стараго сѣвернаго преданія. Въ Вилкина сагѣ, въ 40-й главѣ, карликъ Альфрикъ куетъ мечъ Экке-саксъ и, чтобы закалить его, ищетъ воды въ девяти королевствахъ. Этотъ мечъ также крадутъ и онъ остается спрятаннымъ долгое время. На основаніи многихъ данныхъ, можно допустить, что мечъ замѣнилъ собою молотъ Тора. Во время сна Тора, князь турсовъ Тримъ похищаетъ молотъ и прячетъ его подъ землею на глубинѣ восьми верстъ. Точно также, злой чародѣй уноситъ у спящаго Калевипоэга, приведя его въ движеніе чародѣяніемъ, и мечъ этотъ потомъ заваливается въ глубину рѣчки Ке-пе. Уже Уландъ въ своемъ сочиненіи: «*der Mythus von Thór*» доказалъ, что въ мифѣ о похищеніи молота должно видѣть дѣйствіе исполина-зимы, обезоруживающей утомленнаго громовержца. Съ другой стороны сіяющій мечъ Фрейра, вручаемый имъ Гимиру, чтобы пріобрѣсти руку дочери его Гердръ, былъ объясненъ, какъ солнечный лучъ (Simrock's *deutsche Mythologie* S. 73).

Всѣ замѣчательные мечи финскихъ рунъ далеко уступаютъ мечу Калевипоэга; съ нимъ не выдерживаетъ сравненія даже часто воспѣтый мечъ Лэммэнкэйнена, и тотъ мечъ, который Ильмариненъ выковываетъ Вэйинэмэйнену. Впрочемъ, кажется что въ былое

время мечь Калева игралъ и въ финскихъ сказаніяхъ болѣе значительную роль; это видно уже изъ того, что онъ подъ именемъ Kalevan miekka нашелъ себѣ мѣсто между созвѣздіями. Мы видимъ такимъ образомъ, что, при всемъ ви́шнемъ различіи, Калевала и преданіе о Калевипоэгѣ вращаются около одного центра, имѣющаго физическую основу. Кромѣ этого, есть еще другая точка, въ которой обнаруживается замѣчательное соотвѣтствіе. Въ Калевалѣ вставлено, какъ эпизодъ, сказаніе о Куллерво. Пастухъ, мальчикъ Куллерво, сынъ Калерво, по причинѣ своей строптивости, проданъ за нѣсколько кусковъ желѣза кузнецу Ильмаринену; находясь у него въ услуженіи, онъ продолжаетъ буйствовать, особенно послѣ того, какъ супруга Ильмаринена запекла ему въ хлѣбъ камень, объ который онъ сломалъ свой ножикъ, единственное свое наслѣдніе. Въмѣсто стада коровъ онъ пригоняетъ изъ лѣсу дикихъ звѣрей, и они разрываютъ жену Ильмаринена. Но надъ нимъ тяготѣетъ злая участь, по которой онъ дѣлается подобнымъ Эдипу. На пустомъ мѣстѣ онъ встрѣчаетъ дѣвушку, привлекаетъ ее къ себѣ въ сани и ему удается воспользоваться ея расположеніемъ. Но эта дѣвушка — его родная сестра, которую считали давно пропавшею. Узнавши въ Куллерво своего брата, она бросается въ воду. Куллерво въ отчаяніи спѣшитъ въ кровавый бой, получивши отъ Укко мечъ, который стоитъ цѣлой сотни. Возвращаясь изъ сраженія, гдѣ онъ распространилъ вокругъ себя смерть и гибель, онъ приходитъ къ тому проклятому мѣсту,

Гдѣ сестру онъ обезчестилъ,

Гдѣ соблазнилъ дочь своей матери.

Куллерво, сынъ Калерво, схватываетъ свой острый мечъ и закаляется имъ. Калевипоэгу тоже суждено погибнуть отъ своего меча, потому что онъ совершилъ этимъ мечомъ кровавое преступленіе, и сверхъ того, обезчестилъ дѣву острова, которая, вѣроятно, находилась съ нимъ въ ближайшемъ родствѣ, какъ это справедливо замѣчаетъ д-ръ Крейцвальдъ на XIII страницѣ своего введенія.

Такимъ образомъ мечъ, отягощенный преступленіемъ, составляетъ въ эстонской сагѣ моментъ гораздо болѣе важный, нежели Сампо въ финской Калевалѣ. Какъ эстонскій языкъ по своей флексіи ближе финскаго подходитъ къ языкамъ германскимъ, такъ и эстонскія героическія сказанія по трагическому характеру своихъ героевъ находятся въ болѣе тѣсной связи съ германскимъ и именно съ нѣмецкимъ эпосомъ.

Кромѣ этого главнаго пункта, нужно еще принять въ соображеніе разныя побочныя обстоятельства. Въ Калевалѣ дѣйствующими лицами являются Вѣйнэмѣйненъ, Ильмариненъ и Лэмминкѣйненъ; въ эстонской сагѣ этимъ тремъ лицамъ соотвѣтствуетъ одинъ сынъ Калева; онъ, сверхъ того, принимаетъ еще роль Куллерво, съ которымъ онъ еще совпадаетъ именемъ своимъ — Сони *). Уже въ финскихъ рунахъ не строго разграничены дѣйствія отдѣльныхъ героевъ; замѣтно нѣкоторое колебаніе атрибутовъ, такъ что черты, приписываемыя въ одномъ мѣстѣ Вѣйнэмѣйнену, приписываются въ другой пѣсни Лэмминкѣйнену или Ильмаринену, или на оборотъ. Такъ и въ Калевипоэгѣ, въ героѣ эстонской саги, мы открываемъ, то ту, то другую черту отдѣльныхъ героевъ финскихъ рунъ. Приключеніе съ дѣвою острова напоминаетъ отчасти встрѣчу Куллерво съ незнакомою ему сестрою и пребываніе Лэмминкѣйнена у дѣвъ Сарійскихъ, съ которымъ сходны также любовныя забавы съ дѣвами въ области нечистаго; отчасти же это напоминаетъ Вѣйнэмѣйнена, отъ котораго уходитъ сестра Яукагайнена, почитая лучше быть подругою рыбамъ, нежели опорой старику. Калевипоэгъ раздѣляетъ съ Лэмминкѣйненомъ боевую храбрость и подобной Лэмминкѣйнену терпитъ отъ враждебной силы зла. Его, правда, не разрываютъ на куски и не бросаютъ въ рѣку Туони, но его погружаютъ въ продолжительный сонъ, а мечъ его бросаютъ въ воду. Мать Лэмминкѣйнена граблями собираетъ члены его изъ воды; такъ точно мать дѣвы острова граблями ищетъ въ

*) Сони, изображенный Ганандеромъ въ *Mythologia fennica*, p. 86 f., тождественъ съ Куллерво, какъ это можно замѣтить съ перваго взгляда.

водѣ исчезнувшую дочь свою. Какъ Вѣйнэмѣйненъ плыветъ по волнамъ, такъ и сынъ Калева переплываетъ на финскій берегъ; какъ Вѣйнэмѣйненъ идетъ въ царство Туони, такъ мы видимъ Калевипоэга въ подземномъ жилищѣ злого духа. Подобно Вѣйнэмѣйнену, онъ содѣйствуетъ успѣхамъ хлѣбопашества, пашетъ безъ устали и истребляетъ лѣсныхъ звѣрей, опасныхъ для стада. Подобно Вѣйнэмѣйнену сынъ Калева остается холостымъ. Слезы Вѣйнэмѣйнена превращаются въ жемчугъ и голубая утка добываетъ ихъ изъ глубины моря. Съ этимъ сказаніемъ можно сопоставить происхожденіе цѣлебнаго источника изъ пота спящаго Калевипоэга. Ильмариненъ стоитъ всѣхъ дальше отъ эстонскаго преданія, и его дѣятельность большею частью переносится на кузнеца Финляндіи.

Въ Вѣйнэмѣйненѣ финскихъ рунъ мы видимъ многія черты, составляющія принадлежность Одина въ древней сѣверной мифологіи; его сраженіе съ Яукагайненомъ напоминаетъ подобныя состязанія Одина, именно борьбу его съ Вафтрудниромъ. Вѣйнэмѣйненъ, какъ вѣчный пѣвецъ равенъ Одину, который, какъ говорится, лучше всѣхъ ковалъ пѣсни. Когда же онъ является покровителемъ земледѣлія, то онъ напоминаетъ Тора. Такъ и Калевипоэгъ въ высшей степени соединяетъ въ себѣ атрибуты Одина и Тора. Мы уже видѣли выше, какъ похищеніе меча напоминаетъ о похищеніи Торова молота. Торъ сражается съ исполинами, а Калевипоэгъ постоянно имѣетъ дѣло съ злыми чародѣями. Въ своихъ отношеніяхъ къ земледѣлію Калевипоэгъ ближе Вѣйнэмѣйнена подходитъ къ Тору, что имѣетъ мѣсто и въ другихъ отношеніяхъ. Вѣйнэмѣйненъ, подобно Одину, ѣздитъ верхомъ, а Калевипоэга мы постоянно видимъ пѣшкомъ и лошадь его, которую заѣдаютъ дикіе звѣри, служила ему только для хлѣбопашества. Семинедѣльный сонъ, въ который погружаетъ его чародѣй Пейпуса, напоминаетъ отчасти объ усыпленіи Тора; отчасти же мы при этомъ должны припомнить семилѣтнее изгнаніе Одина, о которомъ говорится въ позднѣйшихъ преданіяхъ. Помощники, слѣдующіе за Калевипоэгомъ: сынъ Алева

и мальчикъ Калевипоэга напоминаютъ прислугу Тора: Тіальфи и Рёскву, хотя послѣдняя, конечно, женщина. Торъ для сраженія съ исполинами идетъ на востокъ, и Калевипоэгъ также идетъ по этому направленію къ Пейпусу, гдѣ предпринятое имъ строеніе моста также напоминаетъ о Торѣ, какъ богѣ мостовъ. Также легко узнать прохожденіе Тора чрезъ море облаковъ въ повѣствованіи о томъ, какъ Калевипоэгъ ходитъ въ бродъ черезъ Пейпусъ и Ильмаіервъ.

Въ мірѣ финскихъ и эстонскихъ сказаній мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ такія черты изъ древней сѣверной мифологіи. Изъ сказаній, обнародованныхъ въ новѣйшее время, я напому только о разсказѣ: о громовомъ барабанѣ, напечатанномъ въ 1858 году въ журналѣ: *Das Inland* № 6, въ которомъ мы узнаемъ похищеніе Торова молота, и объ эстонской сказкѣ, помѣщенной въ *Bulletin Hist. Phil. T. XVI* № 29 и 36; *Mélanges russes T. IV*, pag. 7—18, въ которой играетъ роль миѣ о свѣтопре-
ставленіи, и въ которой есть много сходнаго съ сказаніями объ Одинѣ. Калевипоэгъ также представляетъ намъ множество отрывковъ изъ міра древнихъ сѣверныхъ мифовъ. Я не буду особенно останавливаться на томъ, что дубъ, выловленный изъ моря, выросшій до облаковъ и уже извѣстный намъ по финской поэмѣ, можетъ быть сопоставленъ съ міровымъ ясенемъ Иггдра-
зилемъ; напому о тѣхъ трехъ вещахъ, которыя Калевипоэгъ видитъ въ подземномъ обиталищѣ злого духа: мечъ, лоза, и шляпа, доставляющая исполненіе желаній,—все извѣстны намъ какъ атрибуты Одина. Всего интереснѣе для насъ шляпа потому, что она составлена изъ обрѣзковъ ногтей *), подобно кораблю мертвыхъ, Нагльфари. Здѣсь мы имѣемъ довольно яркій примѣръ того, какъ причудливо распоряжается преданіе отдѣльными частями доставшагося ему матеріала. Для него всего важ-

*) Я узналъ изъ достовѣрнаго источника, что Литовцы въ Самогитіи не бросаютъ на полъ обрѣзковъ ногтей, а носятъ ихъ при себѣ, боясь, чтобы чертъ не подобралъ ихъ и не сдѣлалъ изъ нихъ шляпу.

нѣе вещественное; оно не опускаетъ ни одного атома и улаживаетъ все новымъ, неожиданнымъ образомъ.

Если я принялъ въ соображеніе позднѣйшую сагу объ изгнаніи Одина или, вѣрнѣе, Отина, встрѣчающуюся въ Саксонѣ Грамматикѣ (III, pag. 126, изд. Мюллера), то я сдѣлалъ это на томъ основаніи, что, по моему мнѣнію, событія, предшествующія этому изгнанію находятся въ тѣсной связи съ преданіями, еще живущими на эстонской почвѣ.

Послѣ смерти Бальдера, Финнъ Ростіофъ предсказываетъ Отину, что Ринда, дочь царя Рутеновъ, родитъ ему другаго сына, которому суждено будетъ отомстить за смерть брата. Къ этому царю является богъ въ своемъ обыкновенномъ видѣ, спустивши низко шляпу на глаза. Онъ поступаетъ къ нему на службу въ званіи полководца, разбиваетъ его враговъ и, заслуживши такимъ образомъ его благодарность, проситъ руки его дочери. Царь принимаетъ его предложеніе, но дѣвушка упрямится и, вмѣсто желаннаго поцѣлуя, Отинъ получаетъ пощечину. Тогда онъ принимаетъ видъ золотыхъ дѣлъ мастера, выдѣлываетъ много прекрасныхъ вещей и предлагаетъ красавицѣ запястья и кольца; но и тутъ онъ не минуетъ пощечины. Въ третій разъ, онъ подходитъ къ ней, какъ молодой воинъ и отличный наѣздникъ, но она отталкиваетъ его такъ рѣзко, что онъ падаетъ на земь и подбородкомъ касается пола. Въ наказаніе онъ дотрогивается до нея волшебнымъ жезломъ и отнимаетъ у нея разсудокъ. Отъ своего намѣренія онъ однако не отказывается и прибѣгаетъ къ хитрости. Неутомимый странникъ надѣваетъ женское платье и выдаетъ себя за лекарку. Подъ именемъ Вехи онъ пробирается въ свиту молодой царевны и вечеромъ моетъ ей ноги. Когда болѣзнь ея усиливается, Веха вызывается лечить ее, но объясняетъ тотчасъ же, что лекарство очень горько и что больная приметъ его только въ томъ случаѣ, если будетъ связана. Ее связываютъ, Отинъ овладѣваетъ ею и производитъ съ нею сына, долженствующаго быть мстителемъ за Бальдура (ср. Симрокъ на стран. 332 и слѣд.). Я полагаю, что

Ринда Саксона Грамматика, известная обыкновенно под именем Риндръ и означающая твердую, замерзшую землю, встрѣчается въ эстонскомъ сказаніи подъ именемъ Линды. Мы видимъ, какъ проникающій съ сѣвера чародѣй пытается овладѣть ею, и видимъ также, какъ богъ грома, преслѣдующій силы зла, бросаетъ между ними лукъ, отъ котораго сама Линда превращается въ утесъ. Припомнимъ также, что она по смерти мужа проливаетъ такіе обильные слезы, что изъ нихъ образуется цѣлое озеро. Какъ сынъ Риндры, Вали убиваетъ Гѣдра, убійцу Бальдура, такъ и сынъ Линды мститъ вѣтровѣду финляндскому чародѣю, который вѣроятно, означалъ прежде исполина бури или зимы. При этомъ онъ, подобно Торю, часто пользуется палицею. Послѣ всего сказаннаго, принимая въ соображеніе замѣтки Симрока (стр. 333 и слѣд.), не трудно найти физическую сторону въ эстонской обработкѣ преданія. Взглянемъ на ту мѣстность, гдѣ Линда похоронила трупъ умершаго супруга. Могилою Калева считается Ревельская вышгородская скала. Если мы будемъ помнить это, то окажется очень яснымъ, что имя города Ревеля, Колывань, встрѣчающееся въ старорусскихъ лѣтописяхъ, обязано своимъ происхожденіемъ отношенію этого мѣста къ сказанію о Калевѣ. Такъ какъ это мѣсто было очень богато сагами о сынѣ Калева, въ которыя входило много Одиновскихъ элементовъ, то не удивительно, что тутъ возникъ Михайловскій монастырь, о времени происхожденія котораго такъ много спорили. Вѣрно, что на сѣверѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ особенно процвѣталъ культъ Одина, воздвигали, при введеніи христіанства, церкви во имя святаго Михаила *). Герой эстонской саги находится въ томъ же отношеніи къ старому Калеву, въ какомъ Торъ, врагъ исполиновъ, къ Одину, т. е. онъ сынъ его.

Мы нѣсколько подробнѣе оговорили сильное сплетеніе финскихъ и эстонскихъ сказаній съ древними сѣверными мифами, потому что мы думаемъ, что оба народа финскаго племени при-

*) Ср. *Wolf*, Beiträge zur Deutschen Mythologie I, S. 22 ff. *Mannhardt*, Die Götter der deutschen und nordischen Völker, S. 184.

несли небольшое количество мифовъ изъ прежнихъ своихъ восточныхъ жилищъ и большею частью, придя въ непосредственное соприкосновеніе съ германскою народностью, приняли отъ нея, вмѣстѣ съ другими предметами цивилизаціи, готовые образы боговъ и сказаній. Многое въ теченіи времени перемѣнило форму: но, почему знать?—можетъ быть Финны и Эсты, при упорномъ постоянствѣ своего характера, сохранили болѣе или менѣе точно многія черты сѣверныхъ мифовъ, потерявшіяся у германскихъ народовъ. Можетъ быть у нихъ утвердилась народная мифологія раньше того времени, когда разцвѣла придворная поэзія Скальдовъ. По крайней мѣрѣ это можно было бы заключить изъ преобладанія мифовъ о Торѣ.

Намъ открылся бы такимъ образомъ въ преданіяхъ Финновъ и Эстовъ новый источникъ для изслѣдованія германскихъ мифовъ,—источникъ, которымъ, конечно, надо пользоваться осторожно.

Сказаннаго было бы достаточно, чтобы показать важность мифологическаго содержанія, заключеннаго въ сказаніи о Калевипоэгѣ.

Но является однако вопросъ, который при появленіи Калевалы былъ также предложенъ съ разныхъ сторонъ, именно: не лучше-ли было бы представить отдѣльныя эпическія пѣсни со всѣми вариантами, вмѣсто того, чтобы связывать ихъ въ одно цѣлое. Нѣтъ сомнѣнія, что подобное предпріятіе заслужило бы благодарность со стороны всѣхъ, занимающихся эпическою поэзіею. Съ другой стороны было очень извинительно сдѣлать попытку возстановить одно цѣлое изъ различныхъ разбѣянныхъ частей, принадлежащихъ, по видимому, къ одному организму. Подходить ли это цѣлое подъ тѣ законы, которые взяты съ греческаго эпоса,—это другой вопросъ; и поставить его скорѣе эстетикъ, нежели историкъ и изслѣдователь мифовъ. Д-ръ Лёнротъ, поставившій себѣ за правило собирать и обрабатывать только тотъ эпическій матеріалъ, который до сихъ поръ дѣйствительно живетъ въ формѣ пѣсенъ, находился въ положеніи

несходномъ съ положеніемъ д-ра Крейцвальда, который въ началѣ уже не могъ обратиться къ эпическимъ рапсодамъ; хотя онъ, въ послѣдствіи, кромѣ пѣсенъ, сохранившихся на эстонской почвѣ, нашелъ богатые матеріалы у Псковскихъ Эстовъ, однако многіе эпизоды Калевой саги онъ могъ слышать только въ прозаическомъ разказѣ. Съ какими затрудненіями ему пришлось бороться, чтобы привести въ порядокъ и въ единство пестрое смѣшеніе сагъ, переплетенныхъ съ новыми сказками, это онъ объяснилъ самъ во введеніи. Тамъ же онъ объясняетъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ, что не считаетъ себя создателемъ національнаго эпоса, но старался только изобразить сагу о Калевипоэгѣ въ такой формѣ, въ какой она носится передъ духомъ эстонскаго народа.

Принявши во вниманіе все сказанное о миѳическихъ и сказочныхъ образахъ Эстовъ, получившихъ ихъ, вѣроятно, черезъ заимствованіе, то не трудно будетъ оцѣнить по достоинству наивный взглядъ тѣхъ энтузіастовъ, которые думали и надѣялись встрѣтить въ сказаніи о Калевипоэгѣ сѣверную Иліаду. Не Иліаду создалъ д-ръ Крейцвальдъ; онъ подарилъ эстонской литературѣ капитальное твореніе, которое во всякое время будетъ для Эстовъ тѣмъ, чѣмъ была для Грековъ ихъ Иліада. Это народное твореніе, полное драгоцѣннѣйшаго богатства эстонской житейской мудрости, полное мыслящаго созерцанія всего эстонскаго міра. Если въ иномъ мѣстѣ проникнулъ новый элементъ, если мѣстами употреблено выраженіе, нарушающее законы строгой эпики, то цѣлое составляетъ все таки превосходное зданіе, въ которомъ будетъ постоянно жить сердце Эста, со всѣми страданіями и радостями, съ стремленіями и желаніями, въ которомъ оно постоянно будетъ находить себѣ свѣжее наслажденіе и новую отраду.

Эта поэма гораздо ближе къ сердцу Эста, нежели Калевала къ сердцу Финна. Калевала, какъ мы видѣли, произошла изъ готовыхъ уже стихотвореній, заключавшихъ въ себѣ большее разнообразіе личностей, но мало связанныхъ съ извѣстными

мѣстностями, такъ что погруженіе искры, упавшей съ неба, въ озеро Алуэ (т. е. Ладожское), составляетъ почти единственное исключеніе. Напротивъ, въ эстонскую поэму приняты куски преданія, привязанныя къ извѣстнымъ мѣстностямъ, и это сообщаетъ цѣлому сильный жизненный пульсъ. Эстъ видить до сихъ поръ Ревельскую вышегородскую скалу, могилу стараго Калева, озеро, составившееся изъ слезъ его вдовы, камни, брошенные сыномъ Калева на поля или въ море; онъ видить утесъ на горѣ Иру, въ который превращена Линда, холмы, на которыхъ покоилась голова Калевипоэга, борозды, проведенныя его плугомъ, слѣды крови, печени, волосъ его вѣрной лошади, то мѣсто, гдѣ лежала ея кожа и гдѣ гниютъ ея внутренности. До сихъ поръ видить Саадьервское озеро, гдѣ братья бросали жребій камнями, Ильмаервъ, хватившій по плечи могучему сыну Калева, и Пейпусъ, къ которому привязано столько Калевовскихъ преданій. Тамъ лежитъ до сихъ поръ камень, который онъ бросилъ въ волка, похитившаго ягненка изъ стада, знаменитый Персе - Киви, тамъ видно до сихъ поръ мѣсто, гдѣ онъ началъ сколачивать мостъ черезъ озеро.

Другое обстоятельство, имѣющее важное значеніе, заключается въ томъ, что въ эстонской поэмѣ всѣ великія дѣла приписываются одному герою; финская, напротивъ, какъ уже было замѣчено, развертываетъ большее разнообразіе личностей. Въ эстонскомъ сказаніи мы видимъ также, что идетъ рѣчь о царской власти и о другихъ политическихъ отношеніяхъ, которыхъ совершенно не касается финская поэма. Чрезвычайно замѣчательно то, что царство достается младшему сыну, хотя по представленію саги рѣшило не то обстоятельство, что онъ былъ младшій, а жребій брошенныхъ камней.

Мы попробовали такимъ образомъ представить значеніе поэмы въ отношеніи къ содержанію; позволимъ себѣ прибавить еще нѣсколько словъ о значеніи ея для языка. Выставимъ сначала то положеніе, что д-ръ Крейцвальдъ въ этой поэмѣ снова, самымъ блестящимъ образомъ, обнаружилъ свое извѣстное

и признанное умѣніе владѣть эстонскимъ языкомъ; и здѣсь онъ пользовался языкомъ съ такимъ искусствомъ и съ такою легкостью, какими не владѣетъ никто изъ живущихъ теперь дѣятелей.

Если бы онъ, какъ уже было замѣчено выше, не обозначилъ звѣздочками тѣ мѣста, которыя уже были найдены имъ въ поэтической формѣ, то было бы очень трудно рѣшить, что именно онъ самъ переложилъ изъ прозы въ стихи; до такой степени удалось ему проникнуть въ красоты эстонской поэзіи, которой искренность и нѣжность дышать жизнью какъ въ старыхъ отрывкахъ, такъ и въ дополненіяхъ Г. Крейцвальда.

Языкъ этой поэмы — теперешній, какъ иначе и быть не можетъ, при сохраненіи пѣсенъ посредствомъ изустнаго преданія; онъ имѣетъ высокое значеніе въ глазахъ такого изслѣдователя, который не имѣетъ возможности почерпнуть свое языкознаніе непосредственно изъ живаго источника, изъ жизни между народомъ. Въ народной поэзіи мы, безъ сомнѣнія, находимъ языкъ въ самой простой его формѣ; тутъ до него не касалось вліяніе кистеровъ и школьныхъ учителей, получившихъ полунѣмецкое образованіе, пасторовъ не имѣющихъ достаточныхъ лингвистическихъ свѣдѣній и германизированной письменности; если возникаютъ сомнѣнія, что лучше и правильнѣе по эстонски изъ различныхъ формъ и оборотовъ, то можно также безопасно, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и еще безопаснѣе сослаться на народную поэзію, нежели на живую, слышимую ухомъ рѣчь народа. За то, что д-ръ Крейцвальдъ въ изданіи этой поэмы не исказилъ настоящаго народнаго языка, намъ ручается его признанное искусство въ употребленіи эстонскаго языка, искусство, которое онъ доказывалъ прежде и доказалъ теперь. Къ сожалѣнію, для людей, не достаточно посвященныхъ въ знаніе эстонскаго языка, чтеніе Калевипоэга въ этомъ отношеніи затрудняется многочисленными опечатками, внесенными типографіею при отсутствіи автора; желательно, чтобы эти опечатки, которыя, конечно не вредятъ пониманію произведенія и наслажденію имъ, были, въ

интересахъ языкознанія, тщательно исправлены при окончаніи всей поэмы.

Уже поверхностный взглядъ на Калевипоэга показываетъ, какимъ множествомъ матеріаловъ онъ обогатитъ не только лексиконъ*), но и грамматику. Это обстоятельство получаетъ именно теперь особую практическую важность, потому что новѣйшее изданіе «Новаго Завѣта», исправленное по законамъ рациональной грамматики, вызываетъ много нападковъ; исправителей упрекаютъ въ томъ, что они будто-бы измѣнили многое такое, что дѣйствительно живетъ въ народной рѣчи. Превосходная грамматика Аренса обошла неправильный книжный языкъ, созданный нѣмцами, и почерпнула свой матеріалъ изъ живаго народнаго языка, и кто будетъ писать сообразуясь съ этою грамматикою, тотъ, конечно, будетъ писать правильно; но такъ какъ эта эстонская грамматика въ своемъ родѣ можетъ быть названа первою, особенно, въ дѣлѣ синтаксиса, то и неудивительно, что она, давая *только* истину, даетъ еще не всю истину, т. е. многое, не вошедшее въ нее, можетъ также быть правильнымъ. На счетъ этого, произведеніе эстонской поэзіи, изданное такимъ знаткомъ языка, каковъ д-ръ Крейцвальдъ, даетъ болѣе опредѣлительное рѣшеніе, нежели то, что можетъ услышать въ народной рѣчи человекъ, привыкшій къ неправильнымъ оборотамъ стараго книжнаго языка. Приведемъ нѣсколько примѣровъ: Въ языкѣ старой библіи употребляются въ третьемъ лицѣ множественнаго числа старшія формы въ такихъ глаголахъ, которые въ остальныхъ лицахъ спрягаются по новой формѣ. Сообразно съ грамматикою, эти старшія формы измѣнены въ новыя; это, безъ сомнѣнія, правильно, но въ этомъ нѣтъ необходимости; формы *lõhkewad*, *kütwad* вмѣсто *lõhuwad*, *kütawad* показываютъ, что и Эстамъ, рядомъ съ новою формою, не чужда и старшая, которая въ финскомъ языкѣ положительно господствуетъ. Точно

*) При появленіи первой брошюры Калевипоэга былъ составленъ къ нему словарь, слѣд. было найдено нужнымъ сдѣлать прибавленіе къ существующему собранію словъ; смотри: «Das Inland» № 11, 1859.

тоже можно сказать и о нѣкоторыхъ другихъ старшихъ формахъ напр. *julgend* (отъ *julgema*), *mõtelda* (отъ *mõtlemä*); грамматика же хочетъ вытѣснить ихъ новыми формами, которыя безспорно правильны, но не однѣ правильны. Въ высшей степени замѣчательны многія, по видимому, устарѣлыя теперь формы словъ, имѣющія связь съ родственными имъ ливскими, напр.: *wiitu* (отъ *wiis*, теперь *wiisi*, по ливонски *vitq*), именит. *sõrmukse* (теперь родит. падежъ слова *sõrmus*, лив. *suomõks*) или заключающія въ себѣ накопленіе падежныхъ суффиксовъ, и изъ числа ихъ Аренсъ (§ 152) приводитъ какъ странное явленіе только *pärusteks* (Elativus и Factivus) и пр. *aidastana*, *õuestana* (Elativus и Essivus), *sündimataks* (Caritivus и Factivus).

Какъ важное явленіе синтаксиса мы, чтобы не вдаваться въ далекія спеціальности, отмѣтимъ только весьма обыкновенное употребленіе *Adessivi* въ смыслѣ творительнаго падежа, какъ въ финскомъ, и употребленіе опредѣленной и неопредѣленной формы объекта глаголовъ, употребленіе, которое трудно облечь правилами.

Въ орфографіи д-ръ Крейцвальдъ какъ и слѣдовало ожидать, оставилъ неудобную старую манеру и пошелъ по новому пути, проложенному Аренсомъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, которыя мы большею частію признаемъ за улучшенія. Кромѣ употреблявшагося уже прежде *õ*, вмѣсто нечистаго *ö*, онъ образуетъ съ этою буквою двугласную *õe* (напр. *mõeka*, *rõesa*, *mõei*) вмѣст *õö* (*mõöka*, *rõösa*, *mõöt*); онъ пишетъ: *raea*, *saea*, *koea* вмѣсто *раа*, *саа*, *која*; онъ нѣсколько точнѣе обозначаетъ острое *s* (напр. *poissi*, *parssi* вмѣсто *poisi*, *parsi*). Другія отступленія, напр. *nõnda* вмѣсто *nenda*, и *sõna* и *sõnum* вмѣсто *sana* и *sanim*, — и опущеніе въ нѣкоторыхъ словахъ начальнаго *h* могутъ имѣть нѣкоторое основаніе въ выговорѣ Эстовъ, живущихъ по близости автора.

Мы сказали такимъ образомъ, что сказаніе о Калевипоэгѣ, обработанное и изданное д-ромъ Крейцвальдомъ составляетъ

капитальное творение эстонской литературы; въ немъ мы находимъ богатые матеріалы для изслѣдованія сѣверныхъ мифовъ и для изученія недостаточно разработанныхъ особенностей эстонскаго языка. Въ заключеніе этихъ замѣчаній, рекомендуемъ это произведеніе полному вниманію Академіи и объявляемъ его достойнымъ награжденія полною Демидовскою преміею.

(Извлечено изъ Отчета XXIX Присужденія Демидовскихъ Наградъ).

Печатано въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.